

0-798009

На правах рукописи
Минина

Милотаева Ольга Сергеевна

**Творчество Д.Е. Мина в контексте
русско-английских литературных и историко-
культурных связей XIX века**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Тамаев Павел Михайлович,
ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет»,
профессор кафедры русской словесности
и культурологии

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000741663

кандидат филологических наук
Рева Екатерина Константиновна,
ФГБОУ ВПО «Пензенский государст-
венный педагогический университет им.
В.Г. Белинского», доцент кафедры
журналистики

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ульяновский государст-
венный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова»

Защита состоится 18 октября 2012 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Автореферат разослан «15» сентября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Е.М. Тюленева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Изучение деятельности русского поэта-переводчика второй половины XIX в. Дмитрия Егоровича Мина (1818 – 1885) обусловлено наметившимся в последние десятилетия усилением внимания к проблемам русско-западноевропейских литературных связей и к творческим биографиям русских писателей второго плана, незаслуженно забытых, недооцененных в предшествующее время. Осуществляя переводы с итальянского, немецкого и английского языков, Мин, с одной стороны, способствовал развитию русско-европейского литературного и культурного диалога, а с другой – профессионализации русского поэтического перевода, совершенствованию подходов и требований к переводческой деятельности. Объем творческого наследия Мина обширен, однако наиболее значительным из интерпретированных им произведений, работа с которым отняла у него более всего времени и сил, была «Божественная комедия» Данте Алигьери. Это обстоятельство, а также длительное отсутствие новых, более достойных переводов «Божественной комедии» (знаменитый перевод М.Л.Лозинского был завершен только в 1945 г.) способствовало тому, что Мин, известный при жизни как переводчик разных европейских авторов, постепенно стал восприниматься преимущественно в одном плане – как русский интерпретатор Данте.

В свете сказанного проблематика, связанная с восприятием Мином как русским поэтом-переводчиком произведений английских авторов, круг которых чрезвычайно многообразен (В.Шекспир, Дж.Мильтон, Р.Бернс, Дж.Крабб, Дж.Г.Байрон, Т.Мур, П.Б.Шелли, В.Вордсворт, Т.Кэмпбелл, У.Моррис, Р.У.Бьюкенен, А.Теннисон), представляется новым, практически забытым ракурсом изучения его творчества. В последнее десятилетие в диссертационных исследованиях, выполненных под научным руководством Д.Н.Жаткина, данная проблематика была фрагментарно затронута в связи с творчеством В.Вордсворта (А.А.Рябова), Дж.Крабба (Е.И.Ильзова), Т.Кэмпбелла (Е.В.Комольцева) и А.Теннисона (В.К.Чернин), однако подавляющее большинство переводов Мина из английской поэзии и поэтической драматургии не становились объектом анализа, что не давало возможности полного осмысления и систематизации фактического материала. Наше исследование, учитывая материал предшественников, акцентирует внимание на неизученных аспектах литературной биографии Мина, позволяет составить целостную картину его переводческой деятельности в области английской поэзии и поэтической драматургии.

Целью исследования является изучение творческой деятельности Д.Е.Мина в контексте русско-английских литературных связей XIX в.

Данная цель конкретизируется в постановке исследовательских задач: 1) выявить особенности восприятия творческой деятельности Д.Е.Мина в русской литературной критике XIX в.; 2) осмыслить вклад Д.Е.Мина в историю русского поэтического перевода, развитие теоретических представлений в

области русской переводной художественной литературы; 3) проанализировать особенности осмысления Д.Е.Мином как русским поэтом-переводчиком отдельных произведений английской литературы XVI – XVIII вв.; 4) установить специфику созданных Д.Е.Мином русских переводов из Дж.Г.Байрона, других представителей литературы английского романтизма, а также английских поэтов второй половины XIX в.

Объект исследования – творчество Д.Е.Мина, рассматриваемое в контексте русско-английского литературного и историко-культурного взаимодействия в XIX в. *Предмет исследования* – идейные и эстетические представления Д.Е.Мина в процессе развития русской переводной художественной литературы; осуществленные Д.Е.Мином переводы произведений В.Шекспира, Дж.Мильтона, Р.Бернса, Дж.Крабба, Дж.Г.Байрона, Т.Мура, П.Б.Шелли, В.Вордсворта, Т.Кэмпбелла, У.Морриса, Р.У.Бьюкенена, А.Теннисона. *Материалом для анализа* стали оригинальные и переводные поэтические тексты, статьи русской литературной критики второй половины XIX в., информация из русских биографических и справочно-библиографических изданий второй половины XIX – начала XX в., эпистолярные и мемуарные источники, осмысливающие литературную деятельность Д.Е.Мина.

Новизна исследования. В диссертации впервые осуществлен всесторонний целостный анализ творческой деятельности Д.Е.Мина как русского переводчика английской поэзии и поэтической драматургии; впервые собраны и систематизированы сведения о его литературной работе из русской критики и библиографических изданий конца XIX – начала XX в.; в результате разыскательской деятельности установлен полный перечень переводов Мина из английских авторов, причем все переводные тексты непосредственно соотнесены с оригиналами; впервые выявлены факты влияния переводческих принципов Мина, его творческих находок на последующее развитие русского поэтического перевода.

Теоретико-методологическая база диссертации основана на работах классиков отечественного литературоведения А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, М.М.Бахтина, Н.И.Балашова, трудах исследователей международных литературных связей, прежде всего, представителей ленинградской сравнительно-исторической школы М.П.Алексеева (В.Е.Багно, Р.М.Горохова, Р.Ю.Данилевский, П.Р.Заборов, Ю.Д.Левин, К.И.Ровда, Д.М.Шарыпкин и др.), исследованиях по проблемам русско-английского литературного и историко-культурного взаимодействия (Н.П.Дашкевич, Н.Я.Дьяконова, Д.Н.Жаткин, Н.П.Михальская, Б.Г.Реззов и др.), теории и истории художественного перевода (М.Д.Евдокимов, С.Ф.Ефимов, А.А.Илюшин, П.М.Топер, А.В.Федоров и др.), истории русской переводной художественной литературы (А.А.Асоян, Г.Р.Гачечиладзе, А.Н.Гириченко, И.Н.Голенищев-Кутузов, Л.Л.Нелюбин, Г.Т.Хушудин и др.). В процессе анализа использовались сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, историко-генетический, конкретно-исторический, социокультурный, биографический *методы исследования.*

Теоретическая значимость работы заключается в опыте целостного изучения творческого наследия Д.Е.Мина в аспекте русско-английских литературных связей XIX в. Деятельность поэта-переводчика рассматривается в контексте эволюции русского поэтического перевода с учетом особенностей процессов, тенденций, специфики осмысления в России западноевропейских произведений, а также фактов преемственности, обнаруживаемых при сопоставлении переводов Д.Е.Мина с переводами предшествующего и последующего времени.

Достоверность выводов диссертации обусловливается привлечением к рассмотрению максимально полного объема имеющегося фактического материала, в частности всех известных к настоящему времени переводов Мина из английской поэзии и поэтической драматургии, а также литературно-критических статей, эпистолярных и мемуарных материалов, уточняющих и конкретизирующих обстоятельства обращения русского переводчика к произведениям английских авторов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при подготовке курсов лекций по истории русской литературы второй половины XIX в., истории русской литературной критики, истории русского поэтического перевода, а также при историко-литературном, стилистическом, текстуальном комментировании переводов Д.Е.Мина.

Положения, выносимые на защиту:

1. Прижизненная литературная репутация Д.Е.Мина заключалась в восприятии его как профессионального, чрезвычайно требовательного к себе переводчика, обладавшего глубоким знанием итальянского, английского и немецкого языков, интересовавшегося поэтическими произведениями разных эпох, авторов, жанров и стилей. Стремление к подготовке качественных, академически выверенных переводов в сочетании со сдержанностью авторских амбиций нередко приводили к тому, что доработка уже готовых текстов осуществлялась Мином на протяжении десятилетий, их первые публикации появлялись после смерти переводчика, во многом утратив актуальность в силу как внешних (изменение общественной ситуации, литературных вкусов и т. д.), так и внутренних (создание иных переводов, начатых после Мина, но законченных и опубликованных ранее и успевших занять существовавшую литературную нишу) причин. Все сказанное привело к существенному сужению восприятия творчества Мина, который уже к началу XX в. преимущественно характеризовался в качестве переводчика одного большого произведения – «Божественной комедии» Данте.

2. Не занимаясь оригинальным литературным творчеством, Д.Е.Мин видел свою основную задачу в максимально полном и точном отражении специфики зарубежных произведений на русском языке. Такой подход, не соответствовавший характерной для 1850 – 1880-х гг. тенденции развития перевода как вольной интерпретации, ограничивал возможности русского перевода как явления отечественной литературы, но при этом наделял его существенной филологической значимостью, фундаментальной основательностью,

что, в конечном итоге, позволило Мину-переводчику занять уникальное место в русской литературе и культуре своего времени.

3. Выбор произведений для перевода неизбежно обуславливался идейными позициями Д.Е.Мина, которые были достаточно противоречивыми и не позволяли напрямую отнести его как к числу переводчиков «чистого искусства», так и к числу их противников из демократических литературных кругов. Мин, долгие годы занимая высокие должности в Московском университете и имея солидный социальный статус, в основном сотрудничал с крайне правым по идеологии «Русским вестником» М.Н.Каткова, но при этом нередко обращался к интерпретации произведений, провозглашавших идеи социальной справедливости, необходимости просвещения народных масс и т. д. В этой связи интересен выбор Мином-переводчиком произведений Дж.Кrabба, священника, боголюбивого и законопослушного человека, оказавшегося способным без прикрас изобразить в своих поэмах жестокость мира, тяготы крестьянского труда, бесчестие и несправедливость сильных, их равнодушие к страданиям людей; столь же противоречива и личность переведенного Мином Р.У.Бьюкенена, сочетавшего лояльность власти и внутреннее неприятие общественных процессов. Мин впервые в России обратился к творчеству английского социал-демократа У.Морриса, но избрал для перевода самое нейтральное, лишённое революционного пафоса произведение – поэму «Земной рай», литературную стилизацию, созданную под влиянием префаэлиты Данте Габриэля Россетти и изображавшую действительность в аллегорической форме.

4. В английской поэзии XVI – XVIII вв. Д.Е.Мина как русского поэта-переводчика привлекли лишь отдельные значительные имена, причем те, что имели в России наибольшую известность – Дж.Мильтон, прославленный множеством переводов его «Потерянного рая», В.Шекспир, снижавший еще с середины XVIII в. огромную популярность своими пьесами, Р.Бернс, чья самобытная поэзия активно переводилась на русский язык с начала XIX в. Обращение русского интерпретатора к творчеству этих поэтов носило эпизодический характер и ограничивалось единичными переводами.

5. Эпоха романтизма приковывала наиболее значительное внимание Д.Е.Мина как переводчика английской поэзии. Причем романтизм интересовал его во всех своих проявлениях – это и бунтарский романтизм Дж.Г.Байрона, Т.Мура, П.Б.Шелли, и пантеистический романтизм поэта «озерной школы» В.Вордсворта, и окрашенный специфическим национальным шотландским колоритом романтизм поэта-баталиста Т.Кэмпбелла, и поздний реставрационный романтизм поэта викторианской эпохи А.Теннисона. Однако при всем многообразии имен основной интерес Мина был сосредоточен на творчестве Дж.Г.Байрона, выделявшемся своей масштабностью, – именно из Дж.Г.Байрона были сделаны наиболее значительные переводы Мина с английского языка (пространный фрагмент «Дон Жуана», поэма «Осада Коринфа», стихотворения из цикла «Еврейские мелодии»), некоторые из которых продолжают переиздаваться и в наше время.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности

10.01.01 – Русская литература и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3 – история русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); п. 17 – взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; п. 18 – Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

Апробация диссертации осуществлена на Международной научной конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2011), Международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики» (Пенза, 2011), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2012), а также в выступлениях на внутривузовских научных конференциях преподавателей Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (2010 – 2012). Основные положения работы нашли отражение в восьми научных публикациях, в том числе в четырех статьях в журналах перечня ВАК «Мир науки, культуры, образования», «Проблемы истории, филологии, культуры», «Гуманитарные исследования», «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион» (серия «Гуманитарные науки»).

Структура диссертации подчинена логике поставленных задач и включает в себя введение, четыре главы, заключение и библиографический список.

Основное содержание работы

Во *Введении* определяются цель исследования и связанные с ней задачи, обосновывается актуальность решения поставленных научных проблем, а также характеризуются теоретико-методологическая база и степень разработанности вопроса; отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В *главе первой «Творчество Д.Е.Мина в контексте литературного развития в России в XIX в.»* дана общая характеристика творчества Д.Е.Мина в контексте отдельных тенденций развития русской литературы XIX в., установлены обстоятельства восприятия и осмысления деятельности русского поэта-переводчика в отечественной литературной критике, охарактеризовано значение наследия Д.Е.Мина для истории русского поэтического перевода.

В *параграфе первом «История восприятия и изучения творчества Д.Е.Мина в русской литературной критике и литературоведении»* в результате рассмотрения значительного объема литературно-критических материалов сделан вывод о том, что прижизненные отзывы о литературной деятельности Д.Е.Мина были посвящены либо его интерпретации «Божественной комедии» Данте (С.П.Шевырев, И.И.Панаев, А.В.Дружинин, Н.А.Некрасов, А.В.Никитенко, Я.Н.Турунов, А.П.Саломон и др.), впервые выполненной стихами и близко к подлиннику и утвердившей за ним славу «русского истолкователя Данта», «первого после Жуковского переводчика» (М.Л.Михайлов), либо удачным переводам из Ф.Шиллера (А.В.Дружинин, М.Л.Михайлов, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов и др.), чье творчество было необычайно популярно в России 1850 – 1870-х гг. как благодаря созвучию

происходившим общественным процессам, так и благодаря появлению удачно составленного и многократно переизданного собрания его сочинений под редакцией Н.В.Гербеля. Среди многочисленных миновских переводов английской поэзии и поэтической драматургии внимание критики (А.В.Дружинин, М.Л.Михайлов) обратили на себя лишь переводы из Дж.Крамба, связанные с неожиданным открытием этого своеобразного английского поэта-священника, чьи натуралистические зарисовки органично влились в русло демократических настроений российского общества.

В последующие годы Д.Е.Мин преимущественно привлекал внимание библиографов и составителей справочных изданий (Д.Д.Языков, А.В.Мезьер, С.А.Венгеров, М.М.Ковалевский, И.Ф.Масанов, Н.П.Смирнов-Сокольский, И.М.Левидова, В.Т.Данченко и др.), благодаря которым удалось сохранить и систематизировать ценный фактографический материал, касающийся разрозненных публикаций Мина в русской периодике второй половины XIX в., появления откликов на его публикации. Деятельность Мина стала ориентиром для нового поколения переводчиков «Божественной комедии» Данте, прежде всего для В.Я.Брюсова и М.Л.Лозинского. Вместе с тем работы литературоведов ограничились либо упоминанием имени Мина при рассмотрении пограничных проблем, либо краткой характеристикой отдельных эпизодов его литературной биографии (цензурные препоны при публикации дантевского «Ада» (Р.М.Горохова), создание перевода исторической хроники В.Шекспира «Король Иоанн» (К.И.Ровда)), либо обзором, дававшим общее представление о деятельности переводчика и его достижениях (Ю.Д.Левин). Мин отчетливо воспринимался как создатель одного из лучших прочтений «Божественной комедии» (А.К.Дживелегов, И.Н.Голенищев-Кутузов, А.А.Асоян и др.), в то время как остальные его переводы оставались в тени, не вызывая должного интереса, – глубокого системного осмысления творчества Мина-переводчика в русском литературоведении XX в. так и не произошло.

В *параграфе втором «Творчество Д.Е.Мина в истории русского художественного перевода XIX в.»* охарактеризована специфика переводческой деятельности Д.Е.Мина.

Мин-переводчик отличался стремлением к точному воссозданию стиховой формы оригинала, что доказывают не только сами его переводы, но и авторские примечания к ним. Например, о своем переводе дантевского «Ада» Мин писал: «...решился переложить размером подлинника часть бессмертного творения на русский язык...», по поводу перевода фрагмента «Дон Жуана» Дж.Г.Байрона отмечал: «За исключением немногих строф <...> весь эпизод переведен вполне и притом размером подлинника...», в письме Н.В.Гербелю от 2 июля 1854 г. в связи с пересылкой перевода «Песни о колоколе» Ф.Шиллера указывал: «В своем переводе я везде соблюдал размер подлинника...».

Мин придерживался принципа обязательного выполнения черного перевода с последующей отделкой, подразумевающей более точную передачу оригинала и улучшение поэтического стиха. Так, в неопубликованном письме М.Н.Лонгинову от 23 февраля 1863 г., ныне хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ, он сообщал: «Окончательная отделка моих стихов всегда составляла для

меня самую важную и самую трудную часть всей моей работы, на которую я всегда употреблял более времени, чем на самый перевод». В предисловии к полному изданию «Божественной комедии» Данте в его переводе, увидевшему свет в 1902 – 1904 гг., отмечался не только масштаб деятельности переводчика, но и его требовательность к самому себе, обуславливавшая необходимость вновь и вновь обращаться к казалось бы завершенному труду: «Надо видеть самому рукописи Д.Е.Мина, чтобы судить, какой это исполинский труд, как переводчик обдумывал каждое выражение, каждое слово, немилосердно уничтожая готовый перевод в поисках лучшего изображения мысли творца “Божественной комедии”». Редакции подвергались не только подготавливаемые к печати, но и уже опубликованные переводы. В частности, после появления в печати «Ада», продолжая работу над другими частями «Божественной комедии» – «Чистищем» и «Раем», Мин снова возвращался к первой части великого произведения, стремился точнее и яснее передать мысль и художественные образы Данте, освобождал текст от излишних архаизмов, о чем свидетельствовали изменения в переводе от издания к изданию. Например, согласно подсчетам Р.М.Гороховой и М.П.Алексеева, сопоставивших V песнь «Ада» в изданиях 1843, 1853 и 1902 гг., из 142 стихов первоначальной версии подверглись частичному или полному изменению 111 стихов (в 1853 г. – 53 стиха, в 1902 г. – еще 58 стихов), тогда как неизменным остался только 31 стих. Существенной редакции подвергся и впервые напечатанный в 1852 г. перевод фрагмента байроновского «Дон Жуана», описывающий гибель испанского корабля «Santa Trinidad», – при сопоставлении его с соответствующим эпизодом окончательной редакции 1881 г. очевидно изменение 254 из 672 стихов, т. е. более трети текста.

Начиная работу над переводом, Мин предварительно изучал личность и творчество избранного автора, что было впервые отмечено М.Л.Михайловым, писавшим, что в современной ему литературе «рядом с <...> печальным неуважением к великим писателям идет и серьезное их изучение, которому мы обязаны такими прочными, серьезными и высокодаровитыми трудами, как <...> переводы Данта, Крабба и Шиллера г. Мина». Применительно к «Божественной комедии» «генетика» переводческой деятельности Мина была выявлена А.А.Асояном, сообщавшим, что Мин «опирался на опыт немецких дантологов и поэтов К.Витте, Вагнера, К.Каннегисера, особенно А.Копища и Филалета», а также на творчество соотечественников великого Данте – Л. да Понте, Дж.Вольпи, П.Вентури, П.Фратичелли, Дж.Скартаццини, труды комментаторов прошлых лет – Р. да Имола, К.Ландино, Б.Даниэлло и др.

Творческий выбор Мином-переводчиком произведений зарубежных авторов, заслуживавших интерпретации, также основывался на изучении им работ русских критиков и переводчиков-предшественников. Так, к переводу Данте он обратился благодаря диссертации С.П.Шевырева «Дант и его век. Исследование о “Божественной комедии”», напечатанной в «Ученых записках Императорского Московского университета» за 1833 – 1834 гг., а творчество Дж.Крабба привлекло его внимание в связи с серией статей А.В.Дружинина

«Георг Крабб и его произведения», печатавшихся в некрасовском «Современнике» в 1855 – 1857 гг.

Идеологические позиции Мина как переводчика достаточно сбивчивы и четко не сформулированы, что не позволяет отнести его творчество к тому или иному идейному направлению в свете литературной борьбы 1850 – 1870-х гг. С одной стороны, он являлся постоянным автором «Русского вестника», журнала с четко выраженной консервативной позицией, вступавшего в постоянную полемику с изданиями демократической ориентации. Именно в «Русском вестнике» было опубликовано подавляющее большинство переводов Мина, в особенности относившихся к наиболее значительному периоду его деятельности – концу 1850-х – началу 1880-х гг. Вместе с тем сотрудничество Мина с «Русским вестником» было обусловлено не столько идеологически, сколько стечением целого ряда обстоятельств: работая ассистентом госпитальной клиники Московского университета, Мин (в ту пору уже доктор медицины) являлся с 1851 г. вторым редактором «Врачебного журнала»; в том же году на должность редактора университетской газеты «Московские ведомости» был принят М.Н.Катков, чей «Русский вестник» во многом вырос из «Московских ведомостей»; Мин и М.Н.Катков, еще не отказавшийся от многих либеральных ценностей и представлений, не только были знакомы между собой, работая в одном коллективе, но и сотрудничали – в «Московских ведомостях» увидел свет один из переводов Мина из Дж.Крабба. Впоследствии М.Н.Катков пережил эволюцию своих идейных представлений, что не оттолкнуло от него во многом аполитичного Мина, видевшего в редакторе «Русского вестника» старого знакомого, способного помочь с публикацией завершенных переводов. К тому же сам статус Мина, те высокие должности, что он занимал в Московском университете (декан, проректор, исполняющий обязанности ректора), вряд ли предполагали его переход на позиции некрасовских изданий.

С другой стороны, ни в одном из переводов Мина нет отчетливой консервативной направленности, более того, в отдельных текстах многие проблемы поставлены и решены через призму социальной составляющей человеческой жизни. В частности, в выполненном Мином переводе стихотворения А.Теннисона «Леди Клара Вир де Вир» было выражено стремление «побудить представителей высших слоев общества задуматься о судьбах бедняков», звучал призыв «оставить любовные утехы и “пойти в народ” – помогать бедным, учить сирот грамоте и рукоделью» (В.К.Чернин). В идеологической борьбе своего времени Мин во многом оказывался «над схваткой», поскольку стремился не столько к торжеству тех или иных идей, сколько к максимальной объективности при восприятии и интерпретации переводного текста. Достоинства переводов Мина очевидны, поскольку и в смысловом (*что* сказано), и в стилистическом (*как* сказано), и в прагматическом (*какую* реакцию вызывает сказанное) аспектах они качественно передают оригинальные замыслы, хотя и не достигают идеальной точности. По мнению С.Ф.Гончаренко, абсолютизация одного из трех указанных аспектов «ведет к определенному виду буквализма: смысловому (наиболее

последовательно реализуемому в подстрочных переводах), стилистическому (иначе говоря, к “переводческому формализму”, при котором дотошная передача второстепенных стилевых особенностей подлинника разрушает целостное впечатление) или прагматическому (“склонение на наши нравы”)). Переводы Мина являются скорее стихотворными, нежели поэтическими, однако в желании переводчика максимально приблизиться к оригиналу в вербальном и стилистическом отношении ощутимо стремление преобразовать стихотворный текст в «пространственный», подлинно поэтический. Мин был одним из тех переводчиков второй половины XIX в., кто стремился воссоздать единство содержания и формы оригинала, воспроизвести его как живой и целостный поэтический организм, а не как безжизненную схему, пусть даже и точную в мельчайших деталях.

Глава вторая «Английская литература XVI – XVIII вв. в художественном осмыслении Д.Е.Мина» посвящена анализу особенностей творческого восприятия и осмысления Д.Е.Мином произведений В.Шекспира, Дж.Мильтона, Р.Бернса, Дж.Крабба.

В параграфе первом «Д.Е.Мин – переводчик произведений Шекспира (хроника «Король Иоанн», монолог Ричарда II из хроники «Ричард II»)» отмечается, что Д.Е.Мин впервые обратился к творчеству Шекспира в 1864 г., переведя по случаю 300-летнего юбилея великого английского драматурга монолог короля Ричарда из 5-го явления V действия исторической хроники «Richard II» («Ричард II»); перевод был прочитан автором в собрании Московского университета 23 апреля 1864 г. К моменту появления фрагментарного перевода Мина «Ричард II» переводился в России немного (И.Я.Кронеберг (1831), анонимный переводчик (1831) – фрагменты, Н.Х.Кетчер (1841) – полностью), причем, за малым исключением в лице анонимного автора «Санкт-Петербургского вестника», переводы были выполнены в прозе; непосредственно к тексту 5-го явления V действия до Мина обращался лишь Н.Х.Кетчер. Мин предложил русскому читателю первую поэтическую интерпретацию избранного фрагмента из еще мало известной в России исторической хроники Шекспира.

В 1864 – 1865 гг. была начата работа над стихотворным переводом другой исторической хроники Шекспира – «King John» («Король Иоанн»). К тому времени был известен всего один перевод этого произведения, выполненный в 1841 г. в прозе Н.Х.Кетчером. Однако наряду с Мином к интерпретации «Короля Иоанна» практически синхронно обратились А.В.Дружинин и В.Д.Костомаров, чьи стихотворные переводы впервые увидели свет в 1865 г. Мин, привыкший подолгу дорабатывать свои переводы, стал свидетелем того, как практически завершенная им работа утратила актуальность и для издателей, и для читательской публики. В 1879 г. Мин сообщал переводчику и издателю Н.В.Гербелью о том, что у него «хранится в портфеле полный стихотворный перевод “Короля Иоанна”». Н.В.Гербель, вполне удовлетворенный как издатель переводом А.В.Дружинина, в ответ предлагал Мину перевести для готовившегося им третьего издания сочинений Шекспира трагедию «Антоний и Клеопатра». В ответном письме Мин признавался, что «не изучал особенно

Шекспира», а перевод белых стихов «дело <...> далеко не легкое», и предлагал книгоиздателю следующий вариант: «...я приступлю к переводу назначенной драмы <<Антоний и Клеопатра> и одной из поэм << Венера и Адонис>> и посмотрю, как пойдет моя работа: если успешно, и я сам останусь ею доволен, то стану продолжать; если же нет, то извещу Вас о своем отказе». Однако миновские переводы трагедии «Антоний и Клеопатра» и поэмы «Венера и Адонис» так и не были созданы; в третьем гербелевском издании сочинений Шекспира эти произведения были помещены в новых переводах А.Л.Соколовского. Мину удалось напечатать свой перевод «Короля Иоанна» только в 1882 г. на страницах «Русского вестника» и отдельным изданием; надежда на включение перевода в собрания сочинений Шекспира, издававшиеся как в 1880-е, так и в последующие годы, не оправдалась, – над издателями продолжал доминировать авторитет А.В.Дружинина как переводчика шекспировской драматургии.

Выполненный Мином перевод шекспировского «Короля Иоанна» является полным, близким к подлиннику, отличается стремлением к передаче всех ритмических особенностей английского стиха, однако при этом характеризуется наличием многочисленных «натяжек» ради соблюдения размера («огрубших» вместо «огрубевших», «марю» вместо «марюк», «ребр» вместо «ребер», «замысл» вместо «замысел» и др.). Перевод Мина компактнее и во многом точнее считавшегося лучшим в XIX в. перевода А.В.Дружинина, насыщенного многочисленными авторскими отступлениями от реальных исторических событий. Вместе с тем перевод Дружинина более литературен, художествен, в нем мастерски обойдены стороной многие сложности, связанные со спецификой английского оригинала. Это последнее обстоятельство и привело к тому, что миновский перевод, несмотря на всю свою точность и доскональность, не смог вытеснить перевода Дружинина из шекспировских изданий конца XIX – начала XX в.

Как видим, переводы Мина из Шекспира на момент начала работы над ними представляли существенный интерес, поскольку позволяли закрыть значительные лакуны в таком многогранном и сложном явлении, как «русский Шекспир». Однако работа над стихотворным «Ричардом II» ограничилась интерпретацией всего одного отрывка (1864) и была свернута в виду появления в 1865 г. полных переводов В.Д.Костомарова и А.Л.Соколовского, опередивших Мина. Перевод исторической хроники «Король Иоанн», в силу особенностей творческой индивидуальности Мина, стремившегося к постоянному совершенствованию созданных им интерпретаций, не спешившего отдавать их в печать, также не обрел читательской популярности, ибо несколько «запоздал» по сравнению с переводами А.В.Дружинина и В.Д.Костомарова, первый из которых надолго определил восприятие шекспировского произведения в России. Характерная для Мина тенденция, когда его переводы, «отлежавшись» несколько лет или даже десятилетий после завершения, наконец-то становились доступными русскому читателю на страницах журнальных изданий, сыграла в данном случае роковую роль: если в период своего создания (1864 – 1865 гг.) миновский перевод «Короля Иоанна»

вызвал бы живую реакцию читателей, стремившихся открыть перед собой новые грани личности и творчества Шекспира, то в 1882 г., в момент первой публикации, данный перевод прошел незамеченным в виду определенного читательского «пресыщения». Отмечая несомненные достоинства переводов Мина из Шекспира, среди которых удачные лексическо-семантические, стилистические находки, мастерское воссоздание отдельных мотивов, образов, художественных деталей, все же следует в конечном итоге признать, что в силу внешних обстоятельств они не сделали славы их переводчику.

Во втором параграфе «Произведения английских поэтов XVII – XVIII вв. в переводческом осмыслении Д.Е.Мина» осмыслена осуществленная Д.Е.Мином в 1858 г. и долгое время остававшаяся единственной интерпретация стихотворения Дж.Мильтона «Song on May Morning» («Песня в майское утро»), со всей выразительностью представлявшая появление утренней звезды и характеризовавшаяся оригинальностью трактовок художественных деталей, ср.: «Now the *bright morning Star, Dayes harbinger, / Comes dancing from the East...*» [Сейчас яркая утренняя Звезда, Дня предвестник, / Восходит, танцуя, с Востока...] – «Предтеча дня, вот блещет на рассвете / Звезда любви, играя в небесах». Избежав неуместных для возвышенного контекста описания ассоциаций с «подолом» («lap»), Мин также активно использовал метафорические выражения, такие как «жемчуг росиноку», «снег ландышей», «золото первоию», ср.: «The Flowry May, who from her green lap throws / The yellow Cowslip, and the pale Primrose» [Пышный (цветистый) май, который из своего зеленого подола бросает / Желтые калужницы и бледные примулы (первоцветы)] – «...в пышном цвете, / Роскошный май, рассыпавший в лесах, / Под жемчугом трепещущих росинок, / Снег ландышей и золото первоию».

В параграфе подробно рассмотрены обстоятельства обращения Мина-переводчика к интерпретации первой части стихотворения Роберта Бернса «The Vision» («Видение»), описывавшего явление музы поэту. Мин творчески подошел к прочтению этого произведения, в частности, сохранив авторское олицетворение в описании вечера, которому предшествовал тяжелый трудовой день крестьянина-поэта, он изменил его содержание, но не смысл: «And when *the day had clos'd his e'e, / Far I' the wesb*» [И когда день закрыл свои глаза, / Далеко на западе] – «Когда же запад погасил лампаду дня». При переводе размышлений о бедной жизни сельского поэта Мин заменил значимое определение «полубезумный» («half-mad»), показывавшее отсутствие рационализма и практичности в существовании творца, избыточным в данном контексте прилагательным «бедный»: «While here, half-mad, half-fed, half-sarkib» [Тогда как здесь полубезумен, полусыт, полуодет] – «Смотри: ты беден, полусыт, / Полуодет».

Среди авторов конца XVIII – начала XIX в., чье творчество непосредственно предшествовало развитию английского романтизма, Мина особенно заинтересовал литератор-священник Джордж Крабб, точнее – два его основных произведения: поэмы «The Parish Register» («Приходские списки») и «The Borough» («Местечко»). Из «The Parish Register» Мин в 1856 – 1860 гг. перевел первую из трех частей – «Baptisms» («Обряды крещения»). Несмотря на опущение значительных фрагментов английского оригинала, русский

перевод позволял судить о таких его достоинствах, как объективное изображение действительности, умелое сочетание авторского суждения и сочувствия к падшим людям, и о таких недостатках, как излишняя склонность поэта-священника к нравоучительности, акцентирование внимания на пороках за отсутствием представления о возможных путях решения проблем общества. Из поэмы «The Bogough» Мин в 1855 г. интерпретировал письмо I «General Description» («Общее описание»), а в 1862 г. – письмо XXII «Peter Grimes» («Питер Граймз»). Обращение переводчика к первому из фрагментов способствовало формированию представления о зрелом периоде творчества английского поэта, характеризовавшемся контрастностью восприятия городского и сельского укладов жизни. Эпизод о Питере Граймзе, в котором Крабб проявил себя мастером художественного портрета, обладавшим редкой проницаемостью в описании человеческих характеров, был избран Мином как наиболее яркий и сильный эпизод поэмы. Переводчик профессионально передал детально прорисованные Краббом причины и последствия отчужденности человека от общества, соблюдая стилистические и структурные особенности оригинала.

Как видим, в сфере творческих интересов Мина оказывались те из английских поэтов XVI – XVIII вв., кто был достаточно широко популярен в России в середине XIX в., – это, прежде всего, Мильтон и Бернс, чьи произведения регулярно переводились и издавались, а также Джордж Крабб, внимание к которому, начиная с 1820-х гг., было нерегулярным и усилилось во второй половине 1850-х гг. в преддверии крестьянской реформы. Если произведения Мильтона и Бернса привлекали переводчика своим эстетизмом, спецификой художественной образности, то переводы из Крабба стали откликом на общественные запросы современности. Вместе с тем нельзя не отметить, что ни одно из произведений (за исключением крохотного мильтоновского «Song on May Morning») не было переведено Мином до конца, что свидетельствует не только об избирательности, фрагментарности интереса переводчика к отдельным произведениям английской литературы XVII – XVIII вв., но и об эпизодичности его увлечения творчеством наиболее известных авторов этого времени.

В главе третьей «Д.Е.Мин как интерпретатор поэзии Дж.Г.Байрона» проанализированы особенности переводческого осмысления Д.Е.Мином лирических стихотворений Дж.Г.Байрона из цикла «Hebrew Melodies» («Еврейские мелодии»), поэмы «The Siege of Corinth» («Осада Коринфа»), фрагментов поэмы «Don Juan» («Дон Жуан»). Впервые обратившись к творчеству Байрона в начале 1850-х гг., Мин активно работал над интерпретацией его произведений на протяжении десятилетия, вплоть до начала 1860-х гг. В последующие годы Мин был сконцентрирован на доработке, совершенствовании, а также публикации ранее выполненных переводов. Многолетняя работа Мина над одними и теми же текстами и фрагментами текстов Байрона способствовала не только уточнению многочисленных художественных деталей, но и более глубокому проникновению в творческий замысел английского автора.

В первом параграфе «Поэма «Осада Коринфа» Дж.Г.Байрона в русском переводе Д.Е.Мина» отмечается, что к моменту обращения Д.Е.Мина к переводу поэмы Байрона «Осада Коринфа» на русский язык существовали только выполненные в 1820-е гг. прозаические интерпретации байроновского произведения М.Т.Каченовским и А.Ф.Воейковым, стихотворный перевод неизвестного автора, а также вольный перевод И.И.Козловым строф XIX, XX и XXI, содержащих описание явления Франчески. Естественно, что к началу 1860-х гг. все эти романтические переложения и вольные переводы уже не соответствовали изменившимся представлениям о задачах переводчиков, допустимых вольностях при переводе и др. В этой связи именно Мином была предпринята первая попытка интерпретации «Осады Коринфа» в условиях профессионализации переводческого дела. Однако характерная для Мина склонность к оттачиванию деталей, художественных нюансов привела к тому, что перевод, заверченный в начале 1860-х гг., увидел свет только в 1875 г.; к тому времени русские читатели уже могли познакомиться с «Осадой Коринфа» в переводе Н.В.Гербеля, впервые напечатанной в №6 «Вестника Европы» за 1873 г. При наличии общих черт, характеризующих переводы Мина и Гербеля (увеличение количества стихов – с 1070 в оригинале до 1148 и 1231 в переводах соответственно, тщательность обработки оригинального текста, ориентация на учет художественных деталей, нюансов описания и т. д.), нельзя не отметить, что перевод Мина отличается большей смысловой точностью, выверенностью. В нем нет случайных, неоправданных слов, фактов неуместного использования старославянизмов, русизмов, разговорной и книжной лексики. Наряду с фрагментарным переводом И.И.Козлова, выгодно отличающимся сохранением ритмического строя английского произведения, полный перевод Мина по праву может быть назван лучшим по глубине осмысления байроновской «Осады Коринфа» в России XIX в. Этот перевод не потерял своей актуальности и в последующее время, вплоть до конца 1930-х гг. неоднократно публиковался в байроновских сборниках.

Во втором параграфе «Стихотворения Дж.Г.Байрона из цикла «Еврейские мелодии» в художественной интерпретации Д.Е.Мина» подчеркнуто, что русская рецепция «Еврейских мелодий» Байрона представляет собой яркую и недостаточно исследованную страницу литературной жизни. В числе имен русских переводчиков, обращавшихся к осмыслению как всего цикла, так и отдельных вошедших в него произведений, – представители различных литературных направлений, носители различных идеологий, каждый из которых вкладывал в свои интерпретации и впечатления от окружающей жизни, и нюансы, характеризующие собственное мировоззрение, и особенности восприятия иноязычных текстов, отличающие отдельные этапы развития русского поэтического перевода. Д.Е.Мин перевел три байроновские «мелодии» – «Oh! weep for those that wept by Babel's stream...» («О! плачьте о тех, кто плакал у вавилонской реки...»), «My soul is dark...» («Моя душа мрачна...») и «The Destruction of Sennacherib» («Поражение Сеннахериба»), причем только один из переводов увидел свет при жизни Мина, в 1859 г., тогда как два других были обнаружены много позднее в

его архивах и напечатаны в 1906 г. Переводы Мина вполне вписываются в общий ряд приблизительно равноценных по своим достоинствам художественных интерпретаций байроновских «мелодий», выполненных во второй половине XIX в. Н.В.Гербелем, Д.Л.Михаловским, П.Ф.Якубовичем, Д.Д.Минаевым и др. Из трех переводов, пожалуй, лишь первый – «Ах, плачьте, как плакали мы на реках вавилонских...» – не утратил значимости, характеризуясь заведомо более высоким качеством; именно в этом переводе наиболее отчетливо проявилось стремление Мина подчинить собственный талант особенностям переводимого автора, правдиво, точно и лаконично воспроизвести иноязычный текст средствами русского языка. Другие переводы – «Моя душа мрачна...» и «Поражение Сеннахерима» – уже на момент их запоздалой публикации имели лишь историко-культурную ценность.

Третий параграф «Творческое осмысление Д.Е.Мином фрагментов поэмы Дж.Г.Байрона "Дон Жуан"», содержащий сопоставительный анализ фрагментарного перевода Д.Е.Мина и в разные годы считавшихся лучшими полных переводов Д.Д.Минаева, П.А.Козлова, Г.А.Шенгели, Т.Г.Гнедич, подводит к выводу, что переводчики последующего времени были знакомы с трудом Мина и активно использовали его творческие находки в своей работе. Необычайное богатство образов и сцен, благородный и меткий язык, капризная и небрежная по оборотам и рифмам форма «Дон Жуана» во многом оказались неподвластны русским интерпретаторам. Вместе с тем во фрагментарной интерпретации Мина (перевод второй, третьей и части четвертой песни) «Дон Жуан» предстал законченным самостоятельным произведением из трех частей, описывавшим сначала отправление Дон Жуана из ханжеской Испании в морское путешествие, придуманное его матерью в наказание за непристойное поведение и для охлаждения любовного пыла к замужней женщине Юлии, бурю, кораблекрушение и голодное существование, страшные сцены гибели уцелевших, спасение Дон Жуана дочерью пирата Гайди и идиллию любви двух героев (первая часть), затем возвращение Ламбро во время свадьбы Дон Жуана и Гайди (вторая часть), расправу пирата с Жуаном и смерть Гайди (третья часть). Благодаря отказу переводчика от использования новых поэтических форм и внесения собственных идей в интерпретацию байроновского оригинала Мину удалось сохранить характерную ироническую («игривость») стилия английского автора.

В главе четвертой «Опыт прочтения Д.Е.Мином английской поэзии XIX века» осмыслена специфика восприятия Д.Е.Мином произведений английских романтиков П.Б.Шелли, Т.Мура, В.Вордсворта и Т.Кэмпбелла, поэмы У.Морриса «Земной рай», творчества Р.У.Бьюкенена и А.Теннисона.

В параграфе первом «Д.Е.Мин как интерпретатор отдельных произведений поэтов английского романтизма» отмечается, что наряду с творчеством Дж.Г.Байрона внимание Д.Е.Мина привлекли отдельные произведения других поэтов английского романтизма, среди которых были как представители байроновского круга (П.Б.Шелли, Т.Мур), так и лейкист, литературный оппонент Байрона В.Вордсворт, и поэт-баталист, философ Т.Кэмпбелл. Каждый из этих поэтов, уже ставших к 1860-м гг. частью литературной истории, имел в России определенную известность, причем В.Вордсворт и Т.Кэмпбелл

оставались в сознании русских читателей авторами отдельных, крайне немногочисленных произведений; Томас Мур, известный более других, уже пережил пик своей популярности, пришедший на 1820 – 1830-е гг.; интерес к П.Б.Шелли, напротив, только начинал формироваться и не обрел еще той системности, что отчетливо проявилась в начале XX в., после появления переводов К.Д.Бальмонта.

Единственным произведением П.Б.Шелли, к переводу которого в 1860 г. обратился Д.Е.Мин, было лирическое стихотворение «Love's Philosophy» («Философия любви»), имевшее в одной из рукописных копий подзаголовок «анакреонтическое» и окрашенное нежно-пантеистическими оттенками. Обе строфы «Love's Philosophy» построены на противопоставлении их общего содержания, пронизанного чувством единения, финальным стихам, имевшим форму отрицательного вопроса: «Why not I with thine?» [Почему я не с тобой?] и «If thou kiss not me?» [Если ты не целуешь меня?]. Эта особенность в той или иной мере была отражена только в переводах Мина и К.Д.Бальмонта, однако первый из них использовал вместо вопросительных побудительные конструкции «Могу ль не слиться я с тобой!» и «Коль не лобзаешь ты меня!», а второй – значительно расширял один из вопросов посредством привнесения обращения: «О, почему ж, мой друг прелестный, / С тобой мы слиться не должны?»; в интерпретациях советского времени, выполненных Б.Б.Томашевским и А.Ш.Ибрагимовым, логическая организация подлинника была в определенной мере нарушена: «А я с тобой разлучен?! / <...> / Раз меня не целуешь ты?» (Б.Б.Томашевский); «Почему же ты не со мною? / <...> / Если ты со мною в разладе?» (А.Ш.Ибрагимов). Строки перевода Б.Б.Томашевского «И ветры, друзья навеки, / Обнявшись, мчатся в туман...», которые Л.И.Никольская считает даже более поэтичными, чем оригинальное «The winds of heaven mix for ever / With a sweet emotion» [Ветра небес соединяются всегда / С нежными чувствами], действительно блестяще передают стилевые и интонационные особенности подлинника, однако поэтический образ тумана не относится к числу творческих находок Томашевского, – он заимствован из перевода Бальмонта: «Несется ветер над Землею, / К нему ласкается Туман». В интерпретации Мина эмоциональный фон описания сглажен за счет расширения несущественных подробностей происхождения ветров: «Мешаясь вечно меж собою, / Летают ветры горных стран»; напротив, в переводе Ибрагимова эмоции усилены посредством упоминания о любви: «Ветры сплелись навеки / В ласках, полных любовью».

Долгое время считалось, что Д.Е.Мин перевел три стихотворения Томаса Мура – «Сырая бурная полночь (Из Мура)», «Люблю я час, как гаснет свет лучей...», «15-го ноября (Из Томаса Мура)». Все эти переводы были опубликованы практически одновременно в 1900 г. (через пятнадцать лет после смерти Мина) в иллюстрированном приложении к редактировавшейся Ф.И.Булгаковым «политической и литературной» газете «Новое время». Однако Ю.Д.Левину удалось установить, что стихотворение «Сырая и бурная полночь (Из Мура)» в реальности является интерпретацией одного из произведений Г.Гейне. Оригинал перевода «15-го ноября (Из Томаса Мура)»

после тщательной проработки всех текстов Мура остается неустановленным, что приводит к мысли о том, что в данном случае был переведен не Мур, а кто-то другой. И только переводное стихотворение «Люблю я час, как гаснет свет лучей...» очевидно соотносится с одним из произведений самого известного в России поэтического цикла Мура «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») – «How Dear to Me the Hour» («Как дорог мне час...», 1807). Среди русских интерпретаций «How Dear to Me the Hour», выполненных до Мина, следует отметить обращения к муровскому тексту, предпринятые в романтическую эпоху М.П.Вронченко и В.И.Любичем-Романовичем; в конце XIX в., уже после перевода Мина, были созданы новые переводы В.С.Лихачева (1893) и А.А.Курсинского (1894 или 1895), однако именно их появление, а не появление перевода Мина, впервые напечатанного, как указывалось, только в 1900 г., в силу объективных обстоятельств ознаменовало собой возрождение интереса к произведению, забытому с романтического времени.

Д.Е.Мин неоднократно обращался к творчеству талантливого представителя «озерной школы» В.Вордсворта, в разные годы перевел одну его балладу «Goody Blake and Harry Gill. A True Story» («Гуди Блейк и Гарри Джил. Правдивая история»), три сонета – «Nuns Fret not at Their Convent's Narrow Room...» («Монахини довольны своей тесной кельей...»), «September 1815» («Сентябрь 1815»), «To the Torrent at the Devil's Bridge, North Wales, 1824» («Водопаду у моста Дьявола, в Северном Уэльсе, 1824») и четыре лирических стихотворения – «There was a Boy» («Был мальчик»), «To the Cuckoo» («К кукушке»), «September 1819» («Сентябрь 1819»), «A Wren's Nest» («Гнездо пеночки»), причем все переводы, за исключением «Водопада», представляющего собой вольную интерпретацию на тему сонета поэта-лейкиста, достаточно полны по смыслу и точны по форме. В 1864 г. Мин осуществил перевод философского стихотворения Т.Кэмпбелла «The Last Man» («Последний человек»), характеризующийся сохранением структурных особенностей подлинника при нагнетании предложений в повелительном наклонении, анафор и параллельных конструкций, подчеркивавших необходимость мужественного принятия грядущих трагических изменений в мире; у русского переводчика не нашло отражения кэмпбелловское понимание Бога как инстанции, не способной повлиять на судьбу человечества, – для Мина Бог остается высшим всемогущим существом, которое может спасти жизнь на земле.

Как видим, Мин обнаруживает способность творческого воссоздания произведений различных английских авторов эпохи романтизма, как то стихотворения «Философия любви» Шелли и «Как дорог мне час...» Мура с присущими им патетической интонацией, эмфазой, динамическим пейзажем, соотнесенным с чувствами поэтов и одухотворенным их философской мыслью, или стилизованная под народную баллада, пространственно ограниченные требованиями соблюдения формы сонеты и пронизанные любовью к природе лирические стихотворения Вордсворта, или философское стихотворение «Последний человек» Кэмпбелла, затрагивающее глобальные проблемы человечества и характеризующееся ораторской экспрессией. Обращение к

творчеству Вордсворда и Кэмпбелла свидетельствует, что Мин, будучи очарован и вдохновлен Байроном, тем не менее проявлял интерес не только к романтизму Байрона и поэтов его круга (Т.Мур, П.Б.Шелли), но и к иным разновидностям английского романтизма, представленным поэзией «озерной школы», самобытной индивидуальностью Кэмпбелла. Будучи немногочисленными, обращения к иным разновидностям английского романтизма обуславливались глубинными внутренними потребностями самого переводчика, что, в частности, приводило к вольному прочтению «Водопада» Вордсворта, из которого, пожалуй, сохранился лишь сам образ водопада как мощного потока, явившегося миру на родной земле, и «Последнего человека» Кэмпбелла, содержавшего у Мина иную трактовку традиционного апокалипсического мотива.

В параграфе втором «Д.Е.Мин – переводчик поэмы У.Морриса “Земной рай”» осмыслен опубликованный Д.Е.Мином в 1869 г. перевод второго («The Man Born to Be King») из двенадцати произведений первой части цикла стихотворных новелл У.Морриса «Земной рай» («The Earthly Paradise», 1868 – 1870), предваренный статьей переводчика, рассказывавшей не только о «Земном рае», но и о достоинствах подготовивших его появление более ранних книг английского поэта – «Защита Джиневры и другие стихотворения» («The Defence of Guenevere and Other Poems»), «Жизнь и смерть Язона» («The Life and Death of Jason»). Статья, основанная на материалах современных Мину английских журналов («Фортнайтли ревью» («Fortnightly Review»), «Атеней» («The Athenaeum»)), во многом лишь транслировала читателю суждения зарубежных критиков, выполняя функцию своеобразного введения в тему моррисовского творчества, имевшего в те годы небывалый резонанс в английском обществе, который проявился, в частности, в сравнении Морриса с «отцом английской поэзии» Дж.Чосером, а также в заведомо преувеличенных похвалах в адрес «Земного рая» и его создателя.

Перевод Мина во многом отразил стремление российского общества 1860 – 1870-х гг. к изменениям, решению социальных противоречий, поиску гармонии человеческого существования в согласии с окружающим миром. Предлагая своему переводу иное название, отличное от оригинала, – «Человек, рожденный быть королем», Мин как бы подчеркивал, что переводит не все произведение Морриса, а только одну его небольшую часть, отличающуюся относительной обособленностью и сюжетной завершенностью. В этой связи закономерно опускались стихи, представлявшие собой «связующее звено» данного фрагмента с последующими частями цикла, а также фрагменты текста, предлагавшие своего рода «анонсирование» дальнейших событий, создававшие своеобразную интригу.

Создавая образы короля и старика-предсказателя, Мин нагромождал эпитеты, характеризующие героев, при этом общая тональность каждой из характеристик оказывалась выраженной лишь благодаря всей совокупности использованных эпитетов. В частности, «государь» (именно так русифицированно именуется правитель в русском переводе) оказывается *могучим, богатым, славным, гордым, смелым, счастливым* («В одной стране

далекой, встарь / Жил-был *могучий* государь. / *Богат* и *славен*, *горд* и *смел*, / Обширным краем он владел / И так им мирно управлял, / Что век его *счастливым* звал», а предсказатель – *сгорбленным*, *дряхлым*, *хилым*, *угрюмым*, *таинственным*, *молчаливым* («...старика / С лицом столь бледным и худым, / Что, мнилось, много лет над ним / Уже промчалось: так он был / Годами *сгорблен*, *дряхл* и *хил!* / <...> / *Угрюм*, *таинствен*, *молчалив*, / Сидел, двух слов не проронив, / Старик суровый...»). Также Мину принадлежало интересное сравнение взгляда старца с лучом света, который, в свою очередь, сопоставляется с острым кинжалом: «Но несмотря на то, из глаз, / Глубоко-впалых, каждый раз, / Когда он взглядывал, сверкал / *Луч света*, *острый как кинжал!*»; в оригинальном тексте внимание было акцентировано на внешних особенностях предсказателя («little» («маленький»), «wizened» («морщинистый»), «beardless» («безбородый»), «bald» («лысый»)), чья голова сравнивалась с зимним деревом, потерявшим листву («...a little wizened man / With face grown rather grey than wan / From lapse of years, *beardless* was he, / *And bald as is the winter tree*» [...маленький морщинистый человек / С лицом, ставшим скорее серым, чем бледным / От хода лет, *безбородый* был он / *И лыс, как дерево зимой!*]), при этом описание глаз героя, усиленное у Мина при помощи сравнений, у Морриса вполне традиционно и призвано подчеркнуть лишь некоторую мистичность образа: «But his two deep-set, glittering eyes / Gleamed at the sight of mysteries / None knew but he <...>» [Но его два глубоко-посаженных сверкающих глаза / Светились при виде тайн, / Которые никто кроме него не знал <...>]. В описании образа правителя Моррис также избегал прямых характеристик, акцентируя лишь довольство жизнью, выражаемое троекратным повтором отрицания «nor» («ни»): «A king there was in days of old / Who ruled wide lands, *nor* lacked for gold, / *Nor* honour, *nor* much longed-for praise, / And his days were called happy days» [В былые времена жил король, / Который правил обширными землями, не испытывал недостатка *ни* в золоте, / *Ни* в чести, *ни* в слишком долгожданном восхвалении, / И его эпоха была названа счастливым периодом].

Очевидное неприятие миновского перевода «Земного рая», выраженное в письмах И.С.Тургенева А.М.Жемчужникову и Я.П.Полонскому (оба – от 20 февраля (4 марта) 1869 г.), было обусловлено не столько недостатками русского перевода, сколько качеством английского оригинала, место и значение которого в истории литературы было преувеличено скорее в силу объема произведения, нежели его поэтических достоинств. Тем не менее следует отдать должное Мину, познакомившему русского читателя с фрагментом книги, по сей день не переведенной в России. Согласно наблюдению Ю.Д.Левина, «Мина-переводчика в основном привлекали прославленные литературные памятники, которые он стремился сделать доступными своим соотечественникам», причем в их отборе он «руководствовался личными вкусами и пристрастиями», питая особое пристрастие «к памятникам Средних веков и Возрождения». Именно стремлением к обработке средневековых легенд и сюжетов и можно объяснить интерес Мина к отдельным произведениям

писателей XIX в. на историко-мифологические темы, в том числе и к «Земному раю» Морриса.

В параграфе третьем «Восприятие Д.Е.Мином творчества Р.У.Бьюкенена («Лондонская идиллия», «Смертная казнь в Лондоне»)» отмечается, что практически неизвестный в России вплоть до наших дней английский поэт, публицист, романист и литературный критик Р.У.Бьюкенен был во второй половине XIX в. популярен у себя на родине благодаря опубликованным как под собственным именем, так и под псевдонимом Thomas Maitland стихотворным сборникам, а также полемическим статьям, направленным против войн, проституции, религиозного лицемерия. Д.Е.Мин, предложивший российским читателям интерпретации поэм «Liz» («Лиз») и «Nell» («Нелл») из цикла «London Poems», был не только первым, но и долгие годы единственным переводчиком Бьюкенена на русский язык; только в 2007 г. появился выполненный С.Я.Шоргиным перевод «Баллады об Иуде Искарите». В произведениях, интерпретированных Мином, описаны страдания людей, живших в английской столице, их трагедии, причиной которых являлись бедность и порок на фоне бесчеловечности и равнодушия окружающих. И хотя Бьюкенен увел читателей в мир самых низших слоев общества, представляя правдивую, реалистичную картину грязной, несчастной жизни социального дна, ему все же удалось воссоздать малейшие признаки добродетели, которые могли существовать в условиях духовной, моральной и физической развращенности. В цикле «London Poems» Мин увидел не только пафос, драматизм, мощь графического изображения, но и осознанную попытку проследить эволюцию человеческой души, еще не достигшей совершенства. Избранные Мином-переводчиком истории схожи, поскольку посвящены одной теме – тяжелой доле бедных женщин, одна из которых умирает, оставив ребенка и мужа («Лиз»), а другая, потеряв ребенка и мужа, остается жить («Нелл»). Переводы Мина из Бьюкенена, очевидно, не относятся к числу его лучших сочинений, однако вместе с тем несут в себе определенную эмоциональную сопричастность внутреннему миру самого переводчика, сочувствовавшего обездоленным, искавшего справедливости в обществе и в человеческих отношениях.

В параграфе четвертом «К вопросу о переводе Д.Е.Мином произведений А.Теннисона» отмечено, что Д.Е.Мин неоднократно обращался к творчеству современного ему английского поэта Альфреда Теннисона, осуществив переводы стихотворений «Sir Galahad» («Сэр Галахад»), «Of old sat Freedom on the heights» («В старину сидела Свобода на высотах...»), «The Deserted House» («Покинутый дом»), «Lady Clara Vere de Vere» («Леди Клара Вир де Вир»), подробно проанализированные в диссертационном исследовании В.К.Чернина. В этой связи тему «Теннисон и Мин» можно было бы считать закрытой, если бы не обнаружение в процессе постраничного просмотра изданий, в которых в конце XIX – начале XX в. посмертно публиковались переводы Д.Е.Мина, ранее неизвестного перевода теннисоновского стихотворения «The Goose» («Гусь», 1842), напечатанного в 1898 г. на страницах «Нового времени». Данное обстоятельство позволило нам сделать определенные дополнения к вопросу о

переводе Мином произведений Теннисона. Стихотворение «The Goose», написанное Теннисоном в период агитации за билью о реформе парламентского представительства в Англии, представляет из себя политическую аллегория, демонстрирующую всю иллюзорность преимуществ, навязываемых радикалами бедному трудящемуся классу. Нищая женщина является типичным представителем этих слоев населения, незнакомец символизирует радикалов, гусь – их программу, золотые яйца – свободную торговлю и тому подобные новшества. Если у Теннисона случай с гусем, поимка которого сопровождалась мотивом безмерности хаоса, ощущением вселенского конца, ничему не научил героиню стихотворения, готовую принимать новые посулы, то у Мина сатирический образ женщины оттенен шутивными, незлобивыми замечаниями, лишенными политической окраски, обусловленной реалиями английской жизни. Переводчик акцентирует внимание на невозможности легкого счастья, полученного даром, без приложения каких-либо усилий, в результате чего сатира над обществом, податливым на нововведения, не ценящим традиционных устоев, превращается в иронию над особенностями человеческого сознания, над бесконечным ожиданием «манны небесной» вкупе с полным отсутствием желания приложить свои силы для достижения жизненного успеха.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, отмечается, что, несмотря на некоторую «сглаженность» профессиональных амбиций Д.Е.Мина в области перевода, его переводческие принципы со всей очевидностью проступают и в самих текстах переводов, и в авторских комментариях к ним, и в отзывах литературной критики, – это предварительное изучение иностранного автора и работ русских переводчиков-предшественников, соблюдение стиховой формы оригинала, неизменное совершенствование языка и стиля перевода, избегание идеологического подтекста ради сохранения объективности при интерпретации переводного произведения.

Проведенное исследование, систематизируя и обобщая материал, связанный с английским аспектом переводческой деятельности Мина, оставляет пространство для новых научных разысканий: представляется актуальным целостное изучение творчества Мина как переводчика немецких и итальянских поэтов, проведение более глубокого исследования русской рецепции Дж.Мильтона, Р.Бернса и др. Мин является значимой фигурой в контексте истории русского поэтического перевода второй половины XIX в., а потому изучение его деятельности способствует накоплению исследовательских данных для решения масштабной научной задачи – создания фундаментальной истории русского художественного перевода. В этой связи отмеченная противоречивость идейных исканий и устремлений Мина служит наглядным аргументом против традиционного восприятия русского перевода 1860 – 1870-х гг. как исключительно процесса борьбы представителей двух идейных лагерей – дворянско-либерального и революционно-демократического. Данный процесс, бесспорно, важен, однако значительная часть русских переводчиков, в т. ч. и Мин, дистанцируясь от него, не примыкая непосредственно ни к одному из лагерей, добивались значимых результатов

прежде всего благодаря умению тонко почувствовать характерные особенности интерпретируемых подлинников, отказаться от привнесения в них собственных мыслей и идей в угоду актуальным тенденциям общественной жизни.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Милотаева, О.С. Стихотворения Дж.Г.Байрона из цикла «Еврейские мелодии» в художественной интерпретации Д.Е.Мина / О.С.Милотаева, Д.Н.Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – №5 (30). – С. 301 – 306 (1,1 п.л.).

2. Милотаева, О.С. Д.Е.Мин – переводчик поэмы У.Морриса «Земной рай» / О.С.Милотаева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – №1 (35). – С. 293 – 303 (0,65 п.л.).

3. Милотаева, О.С. Поэма «Осада Коринфа» Дж.Г.Байрона в русском переводе Д.Е.Мина / О.С.Милотаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – №1 (21). – С. 82 – 93 (0,85 п.л.).

4. Милотаева, О.С. Восприятне Д.Е.Мином творчества Р.У.Бьюкенена («Лондонская идиллия», «Смертная казнь в Лондоне») / О.С.Милотаева, Д.Н.Жаткин // Гуманитарные исследования. – 2012. – №2. – С. 193 – 202 (0,8 п.л.).

5. Милотаева, О.С. Стихотворение Альфреда Теннисона «The Goose» в переводческом осмыслении Д.Е.Мина / О.С.Милотаева // Языковые и культурные контакты различных народов: сб. статей Междунар. научно-методич. конф. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2011. – С. 87 – 89 (0,2 п.л.).

6. Милотаева, О.С. Художественное своеобразие переводов Д.Е.Мина из английской поэзии конца XVIII – начала XIX в. / О.С.Милотаева // Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. Междунар. научно-практич. конф. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2011. – С. 76 – 79 (0,25 п.л.).

7. Милотаева, О.С. «Song on May Morning» Джона Мильтона в русских переводах (Д.Е.Мин, Ю.Б.Корнеев): опыт сопоставительного анализа // Вопросы теории и практики перевода: сб. ст. Всерос. научно-практич. конф. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2012. – С. 50 – 53 (0,25 п.л.).

8. Милотаева, О.С. Д.Е.Мин в истории русской переводной художественной литературы (на материале переводов английской поэзии) / О.С.Милотаева // Языковые и культурные контакты различных народов: сб. ст. Междунар. научно-методич. конф. / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2012. – С. 78 – 80 (0,2 п.л.).

Подписано к печати 14.09.2012. Формат 60x84 1/16.

Бумага типографская №1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman. Суг.

Усл. печ. л. 1,37. Уч.-изд. л. 1,4. Заказ №21/09. Тираж 100.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Тугушева С.Ю.
440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, к. 220, тел.: 56-37-16.

16²